

Александр Амфитеатров

Казнь

Александр Валентинович Амфитеатров

Казнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142643

Аннотация

«Вечером семнадцатого сентября 1879 года судебный следователь города У., Валериан Антонович Лаврухин, был в гостях у своего ближайшего соседа доктора Арсеньева, справлявшего именины своей племянницы Веры Михайловны. Молодая жена Лаврухина, Евгения Николаевна, чувствуя себя не совсем хорошо, оставалась дома. В десять часов она приняла бромистого калия и легла в постель, наказав горничной навестись в спальню часам к двенадцати и, в случае, если б Евгения Николаевна уже заснула – потушить лампу...»

Александр Амфитеатров

Казнь

Вечером семнадцатого сентября 1879 года судебный следователь города У., Валериан Антонович Лаврухин, был в гостях у своего ближайшего соседа доктора Арсеньева, справлявшего именины своей племянницы Веры Михайловны. Молодая жена Лаврухина, Евгения Николаевна, чувствуя себя не совсем хорошо, оставалась дома. В десять часов она приняла бромистого калия и легла в постель, наказав горничной навестись в спальню часам к двенадцати и, в случае, если б Евгения Николаевна уже заснула – потушить лампу. До назначенного срока горничная сидела в людской, играя в карты с кухаркой и дворником; кроме их троих, барыни, да спавшего на кухонной печи вестового, в доме никого не было. В полночь горничная отправилась взглянуть на больную. К своему ужасу, она увидела окно спальни раскрытым настежь, а пол испещренным чьими-то темными следами. Бросилась к барыне – и нашла ее всю в крови и уже холодной. Конечно, поднялся шум, явилась полиция.

Следствие по этому делу дало такие результаты: Лаврухина была зарезана тремя безусловно смертельными ударами колющего орудия в горло, живот и левый пах. Ссадин, царапин и боевых знаков на теле не оказалось, а спокойное выражение лица умершей и положение трупа давали основание

думать, что убийца подкрался к своей жертве во время сна и поразил ее внезапно. Из ушей покойной были вынуты серьги, с пальцев сняты кольца, с ночного столика пропал драгоценный складень – благословение матери Евгении Николаевны.

Спальня помещалась во втором этаже и выходила единственным широким венецианским окном в сад; от окна спускалась вниз железная пожарная лестница. И ее ступени и подоконник были в нескольких местах запачканы кровью. У окна не было задвижки; только утром в день убийства в него вставили новое стекло вместо разбитого накануне самим барином. От лестницы следы, такие же, как в комнате убийства, вели к забору, отделявшему лаврухинский сад от обширного пустыря, круто спускавшегося к реке Тве. Здесь следы исчезали.

В убийстве был заподозрен стекольщик Вавила Тимофеев – горький пьяница, истый бич города, полный бездомовник. Против него говорили весьма веские улики. В одной из клумб лаврухинского цветника нашлась отлично отточенная окровавленная стамеска; своими размерами она пришлась как раз по ранам Евгении Николаевны. Стамеска принадлежала Вавиле. Утром пред убийством Вавила вставлял стекло в окно спальни и сильно побранился с Лаврухиной из-за платы. Вечером его видели, мертвецки пьяного, бродящим по пустырю, вдоль садового забора. Наконец, в дополнение всего, Вавила в ночь на семнадцатое сентября скрылся из У.

Неделю спустя его арестовали в соседнем уезде, по доносу трактирщика, которому он предложил в залог похищенные вещи. Сапоги Вавилы аккуратно подошли к следам убийцы.

Несмотря на столь очевидную виновность, преступник упорно запирался и рассказывал в свое оправдание совсем фантастическую сказку: будто он, действительно, был семнадцатого сильно выпивши и не помнит, где заснул; на другой день очнулся на берегу по ту сторону Твы, рядом с собой нашел свои сапоги, а у себя за пазухой драгоценные вещи; очень испугался, что его за такую находку засудят, и бросился в бег. Кто подложил ему вещи, и как он попал на другой берег Твы, – ему неизвестно. Понятно, что суд не удовлетворился нелепым лганьем преступника, и Вавила пошел на каторгу.

Смерть горячо любимой жены едва не убила Лаврухина; он потерял рассудок и, помещенный в лечебницу душевнобольных, провел около года в самой мрачной меланхолии. Потом он поправился, пришел в память, оставил больницу, начал гулять, бывать в обществе, ходить в гости, и особенно часто к Арсеньевым. В У. заговорили, что Лаврухин женится на Вере Арсеньевой, и скоро слухи оправдались.

Молодые супруги зажили отлично. Замечали только, что Лаврухин как будто опять начал хандрить, находится в большом подчинении у своей жены и, пожалуй, даже побаивается ее. Так прошел еще год.

Память смерти Евгении Николаевны совпала с днем ан-

гела Веры Михайловны. Семнадцатого сентября у Лаврухиных было много гостей. Хозяин весь вечер казался очень не в духе и довольно неудачно притворялся веселым. Вера Михайловна делала приготовления по хозяйству и, наконец, пригласила гостей закусить. За ужином она обратилась к мужу с каким-то вопросом, и тогда произошло нечто неожиданное и ужасное. Едва несчастная женщина принесла «Валя!» – Лаврухин, как тигр, вскочил с места, с пеной у рта и с ножом в руке, которым только резал ростбиф. Безумного схватили, но уже слишком поздно: Вера Михайловна упала на пол бездыханною...

– Что вы сделали, несчастный?! – в отчаянии спросил убийцу Арсеньев.

– Теперь она не будет больше сводить меня с ума! – отвечал Лаврухин и лишился чувств. Через три дня он умер в больнице, ни разу не придя в себя – буйные припадки следовали один за другим. По смерти Лаврухина, между его бумагами, были найдены записки, где он рассказал странную историю своей жизни. Вот что он писал.

Я получил назначение в У. семь лет тому назад. Тогда я только что женился на Евгении Николаевне Рохаткиной. Моя первая жена была, как все помнят, маленьким совершенством: хороша собой, добра, как ангел, неглупа, прекрасно воспитана и с порядочным состоянием. Она меня обожала; мне казалось, что и я ее очень люблю. Вскоре моя страсть остыла, но мне было совестно показать охлаждение к жен-

щине, достойной вечного и непрерывного поклонения, и я стал играть роль нежного супруга, каким еще недавно был на самом деле. Порою мне удавалось заигрывать до того, что я сам себя обманывал и снова верил в действительность уже не существующей любви. Но гораздо чаще ложь моих отношений к жене уязвляла меня горьким стыдом; тем не менее, показать себя в настоящем свете у меня никогда не хватало духа, и целые четыре года я громоздил перед Евгенией обман на обмане в словах, чувствах, поступках. Стыд своей трусости тяжело отзывался на мне, и из человека, полного жизненных сил и более или менее довольного судьбою, я сделался мрачным, унылым брюзгой. Презирая себя за слабование, я все надеялся, что авось как-нибудь, если уж я сам безвластен над собою, так хоть счастливый случай переменит и направит мой скучный быт по новому руслу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.